

О РЕЦЕНЗИИ А.БЛОКА «Д.МЕРЕЖКОВСКИЙ. ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ. ПУШКИН»

Н.П.Лебедеко

*(доктор филологических наук, профессор,
Измаильский государственный гуманитарный университет)*

У статті аналізується рецензія О.Блока «Д.Мережковський. Вечные спутники. Пушкин» як джерело оцінки його ставлення до Мережковського.

The article analyzes the review by A.Blok “D. Merezhkovsky. Eternal Companions. Pushkin” as a source of his attitude assessment to Merezhkovsky.

Взаимоотношения А.Блока и четы Мережковских неоднократно являлись объектом исследования ученых (см. С.Бураго (1), З. Минц (2), Д.Максимов (3), В.Орлов (4) и др.). И это совершенно справедливо, поскольку и З.Гиппиус, и Д.Мережковский оказались одними из первых представителей «нового искусства», с которыми в начале своей поэтической деятельности был тесно связан А.Блок. Д.Мережковский – признанный мэтр символизма в России, – возглавлял объединение «петербургских мистиков», был интерпретатором философии В.Соловьева, – одним словом, отвечал всем основным требованиям, которые предъявлял А.Блок на первом этапе творчества к себе и собратьям по перу. З.Гиппиус – знаменитая «декадентская мадонна», талантливая поэтесса и авторитетный литературный критик, – пользовалась несомненным уважением А.Блока, особенно в первые годы общения, когда она своими советами даже направляла начинающего поэта.

Творческие и биографические контакты этих выдающихся представителей русской литературы начала XX столетия освещались учеными по-разному: от утверждений об идиллической дружбе, до торжественной констатации полного разрыва во взаимоотношениях. Наиболее глубоким и обобщающим исследованием этой проблемы является работа З.Минц «Блок в полемике с Мережковскими» (1981). Несмотря на вынужденные умолчания и недоговоренности, допускаемые автором во имя спасения самого исследования и права говорить о Мережковских, объяснимые общественно-политической ситуацией времени, эту статью по праву можно классифицировать как научный подвиг. Уже в самом названии З.Минц сумела отразить характер отношений выдающихся личностей – полемичность, и это главное, что объединяло и объединяет во все времена людей творческих, ищущих, вопрошающих. К сожалению, и само исследование, и выводы, предлагаемые в работе, автор вынуждена была выстраивать в соответствии с требованиями цензуры, что породило некоторые неточности, но это нисколько не умаляет достоинства работы.

Разумеется, не может быть однозначным определение отношений выдающихся представителей любой сферы деятельности, тем более литературы. Однако слишком пристальное внимание исследователей к вопросам межличностных отношений, во многом объяснимое (оправдание ему – в стремлении ученого следовать принципу перфекционизма), часто переходит допустимые границы, превращаясь в самоцель.

На наш взгляд, наиболее убедительным ответом на данный вопрос является обращение к первоисточникам с минимальной долей их интерпретации. Например, в ситуации определения отношений Блока и Мережковских последних лет жизни поэта ответом может послужить запись А.Блока в дневнике от 20 апреля 1921 года. В ней поэт, анализируя содержание присланного ему номера журнала «Русская мысль» (январь-февраль 1921 года), среди прочих отмечает и публикацию дневника З.Гиппиус. В начале отзыва тон весьма положительный: «Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво», «...но», – продолжает поэт, – «своекорыстно. Она (они) слишком утяжелена личным, тут нет широких обобщающих точек зрения. Может быть, на обобщения такого размера, какие сейчас требуются, они и вовсе неспособны» (5, 416). Разве это требует комментариев? Ведь в одной фразе отразились и уважительная оценка А.Блоком творческой манеры З.Гиппиус, и, в то же время, негативное отношение поэта к позиции четы Мережковских («своекорыстно», «слишком утяжелена личным»), его, столь ему несвойственная, категоричность («Может быть... вовсе неспособны») при определении несоответствия их позиции в оценке современной жизни России. Таким предстает отношение Блока к Мережковским после идейного разрыва, их эмиграции, ответ поэта на взгляд «извне», со стороны.

Однако было время (вплоть до 1917 года), когда и любовь к своей стране, и боль за нее были объединяющими, а не разделяющими факторами, когда и Мережковским, и Блоком поднимались и в одном ключе решались самые животрепещущие вопросы культурной, литературной жизни России.

Примером такой духовной общности может служить рецензия А.Блока на третье издание сборника Д.Мережковского «Вечные спутники», вышедшего в 1906 году. Поводом для наблюдений послужила статья Д.Мережковского о Пушкине. Впервые опубликованная в 1896 году в антологии «Философские течения в русской поэзии» (сост. П.Перцов), эта статья в 1897 году в качестве завершающей была включена Мережковским в сборник «Вечные спутники», а в 1906 году, параллельно с выходом третьего издания этого сборника, была издана отдельной брошюрой (6).

Время написания Д.Мережковским статьи о Пушкине – очень важный и напряженный период в его творческом и мировоззренческом формировании, когда им были сформулированы основные принципы символистской теории, когда прояснились черты его учения о Третьем Завете. Это время работы над самым, пожалуй, значительным произведением писателя – трилогией «Христос и Антихрист», первая часть которой – «Смерть богов. (Юлиан Отступник)» – вышла в свет именно в 1896 году. Известно, что в романе автор стремился выразить свои взгляды на историю и культуру человечества, опираясь на предложенную им теорию противоборства двух начал – небесного и земного, духа и плоти, Христа и Антихриста.

Творческие поиски Д.Мережковского середины 90-х годов XIX века определили и его стремление осмыслить личность и художественное наследие Пушкина в контексте мировой культуры и мировой истории, что и нашло отражение в одноименной работе. Причем точкой отсчета автор статьи избрал известное высказывание Гоголя об уникальности поэтического гения Пушкина, его народности, о том, что в Пушкине представлен идеальный человек будущего. Более того, Д.Мережковский вступил в полемику с широко утвердившимся в общественном сознании мнением о том, что А.Пушкин, при всей гениальности творчества, – «только поэт, только художник», что пушкинская поэзия побеждает отнюдь «не силою мысли, а прелестью формы». Критик же доказывал, что Пушкин производил на современников впечатление «ума, дивного по ясности и простоте, более того, – впечатление истинной мудрости» (7, 98).

Д.Мережковский в статье говорит о Пушкине, о его творчестве как о явлении необычайно гармоническом, предвещающем XIX веку новое Возрождение. Теоретик символизма определяет и самое высокое стремление, которое подчиняет себе жизнь и творчество поэта – это «надежда Пушкина – так же, как Петра Великого, – на участие России в мировой жизни духа, в мировой культуре; но для этого участия ни Пушкин, ни Петр не отрекаются от родной стихии, от особенностей русского духа» (7, 196).

Принятая современниками неоднозначно, в большинстве своем – негативно (Н.Михайловский, В.Соловьев), эта статья, точнее, концепция пушкинского творчества, предложенная в ней, легла в основу символистской интерпретации личности и творчества Пушкина.

Поэтому неудивительно, что А.Блок, публикуя в художественно-литературном сборнике «Хризопрас» (1906-1907) рецензию «Д.Мережковский. Вечные спутники. Пушкин», отмечая выход третьего издания очерков «Вечные спутники» и отдельно, брошюрой, – статьи Д.Мережковского о Пушкине, преимущественно уделил внимание именно статье о Пушкине.

Автор рецензии уже в самом названии четко отразил затрагиваемые им темы: роль личности и творчества Д.Мережковского в современной русской литературе и, в связи с этим, его «святое право» писать о Пушкине.

Как оказалось, в полной мере оценить значение этой статьи Д.Мережковского, по мнению А.Блока, стало возможным только после того, как писатель выпустил исследования о Толстом, Достоевском, Гоголе, окончил трилогию «Христос и Антихрист», т. е. заявил о себе как о большом художнике: «Сказать о Пушкине и быть услышанным теперь может только истинный писатель, то есть тот, кто воистину подарил себя и свое – родной литературе, тот, кто прежде всего ответствен за каждое слово и мысль свою...» (7, 635) Приведенное высказывание хорошо раскрывает сущность подхода Блока и к творчеству Мережковского, и к творчеству Пушкина.

Писать о Пушкине – это, по словам Блока, «осуществление святого права русского писателя», осознающего, «что за спиной его – Россия; он – сын ее и слезами обливается за нее, болью ее горит, тоской ее тоскует, и вопрошает, вопрошает без устали» (7, 636). Мережковский в статье о Пушкине, по мнению критика, проявляет склонность к постоянным, хоть иногда и парадоксальным, обобщениям, и обобщения эти, – «глубоко серьезные».

Высокий эмоциональный накал, с которым рецензент говорит об основных темах исследования Мережковского, предложившего в названной статье символистскую интерпретацию личности и творчества Пушкина, свидетельствует об одном – Блок (по крайней мере на данном этапе) всецело разделяет этот взгляд на великого русского поэта: «Когда Мережковский говорит о страшной идее «Медного всадника», о «чужом, нерусском, туманном призраке» – Онегине, о «загадочной, темной и глубокой, как русская сказка», Татьяне, о том, что такое Толстой и Достоевский в связи с Пушкиным – слышите ли, о *чем и как* он говорит?» (курсив А.Блока) (7, 636).

Определение Мережковским значения для мировой культуры творческих достижений Пушкина, его органичного участия в развитии мировой литературы, и, прежде всего, мысль об исторической миссии современной России, что стало возможным благодаря роли Пушкина в духовном созревании нации, – эта мысль представляется Блоку наиболее важной. В этом видит Блок залог возрождения и нравственного формирования нации. Поэтому с таким пиететом относится он к предложенной Мережковским концепции личности и творчества Пушкина. Поэтому-то с таким эмоциональным накалом говорит он о том, что долгие годы неприятия читателями Мережковского прошли, что в России появились люди, способные понять и принять идеи писателя: «не перетолковывать их по-своему, а болеть одной с ним болезнью». И это-то вселяет надежду на перемены к лучшему, и говорит Блок об этом с чувством облегчения, как о самом для него сокровенном.

Благородство и красота побуждений, проявившиеся в позиции русских символистов, усматривавших в символизме не столько одно из направлений в искусстве, сколько определяющих его в качестве нового мировоззрения, способного спасти мир от духовной гибели, – все это нашло отражение в рецензии А.Блока на статью Д.Мережковского о Пушкине. А сам факт публикации Блоком этой рецензии свидетельствует о том, что была «регулятивная идея» (В.Соловьев), объединявшая символистов и старшего, и младшего поколений, – идея духовного возрождения России, и питалась она от отечественных истоков, одному из которых имя – Пушкин.

1. Бураго С.Б. Александр Блок. Очерк жизни и творчества. – К., 2005.
2. Минц З.Г. Блок в полемике с Мережковскими //Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб., 2000.
3. Максимов Д.Е. Критическая проза Блока //Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – М.-Л., 1980.
4. Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. – Л., 1978.
5. Блок А.А.Собрание сочинений: В 8 т. – М.-Л., 1960-1963. – Т.7.
6. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. – М., 1914. – Т.ХVIII.
7. Блок А.А.Собрание сочинений: В 8 т. – М.-Л., 1960-1963. – Т.5.